

По Толстому, задача человека в жизни:

1. Выразить себя в любимом деле.
2. Наслаждаться и радоваться.
3. Жить по-божьи и спасти свою душу.
4. Способствовать прогрессу общества.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

| СОДЕРЖАНИЕ

Голос совести 5

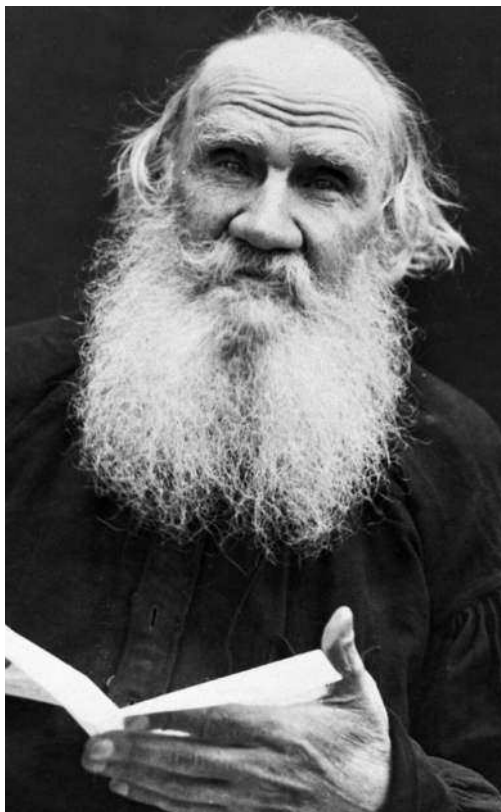
Предисловие 7

ИСПОВЕДЬ

(Вступление к ненапечатанному сочинению) 9

Лев Николаевич Толстой.

Избранные афоризмы 153

Лев Николаевич Толстой
1828–1910

| ГОЛОС СОВЕСТИ

Лев Толстой — один из величайших писателей мира, русский прозаик, публицист, философ, религиозный мыслитель, просветитель. С конца 1870-х гг. философия и публицистика выходят в творчестве Толстого на первый план. Он осуждает несправедливость и насилие, критикует догматы православной церкви. Через все творчество Толстого проходит тема поиска нравственного идеала и смысла жизни. Богослов Александр Мень назвал Толстого голосом совести.

1828 — граф Лев Толстой родился в Ясной Поляне (Тульская губерния), в богатой дворянской семье.

1844 — поступил в Казанский университет на отделение арабско-турецкой словесности философского факультета; в 1847-м бросил учебу.

1851–1856 — военная служба: сначала на Кавказе, затем в Крыму. За оборону Севастополя награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

1852 — в журнале «Современник» выходит первый рассказ Толстого — «Детство».

1857, 1860–1861 — поездки в Европу.

1859 — занялся устройством школ в Ясной Поляне и во всем уезде.

1862 — женился на 18-летней Софье Андреевне Берс, уехал в имение, занялся хозяйством. В 1860-е написал свой первый большой роман — «Война и мир».

1873 — избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1900 — почетным академиком по разряду изящной словесности.

1879–1882 — написал «Исповедь», религиозно-философское произведение, в котором выразил свое новое мирозерцание.

1886, 1888, 1889 — трижды пешком ходил из Москвы в Ясную Поляну.

1901 — Святейший синод отлучил Толстого от православной церкви.

1910 — ноябрьской ночью Толстой тайно покинул навсегда Ясную Поляну в сопровождении лишь своего врача. В дороге заболел, сошел с поезда и после недели тяжелой болезни умер в доме начальника станции Астапово.

| Предисловие

«Толстого-мыслителя всегда занимали лишь две темы — жизнь и смерть», — сказал однажды Владимир Набоков. Две темы — но какие! Сотни персонажей, населяющих страницы произведений Льва Николаевича Толстого, проживают свои жизни на наших глазах: они страдают, любят, ненавидят, верят и разочаровываются, воспитывают детей... и подчас совершают последний шаг — туда, за черту.

Мы привыкли воспринимать Толстого как мудрого старца, устами своих героев провозглашающего истину. Но когда и как сам писатель сформировал свое жизненное кредо? Об этом он рассказывает в «Исповеди», которая получилась настолько откровенной для своего времени, что цензура не позволила опубликовать ее в России — это произошло только через четверть века, в 1906 году.

Время создания «Исповеди» — 1879–1882 годы. Уже написаны «Война и мир», «Анна Каренина», давно завоеваны литературная

слава и уважение в обществе... Можно почитать на лаврах? Но писатель переживает годы морального перелома: сомнения в правильности выбранного пути, разочарование в религии, отчаянный поиск смысла жизни и навязчивые мысли о самоубийстве.

Что спасло его? Изучение философии и богословия, занятия педагогикой, беседы со «святыми старцами» или близкое знакомство с жизнью и бытом простого народа? «Исповедь» не дает готовых рецептов. В этом предельно откровенном рассказе о духовном поиске Толстой не выступает в роли всезнающего Учителя, он раскрывает нам свою собственную историю. Но именно такая достоверность удивительным образом помогает мятущемуся читателю обрести почву под ногами. Ведь, как говорил сам Лев Николаевич, «каждый человек — алмаз, который может очистить и не очистить себя...»

Исповедь

Вступление к ненапечатанному сочинению¹

I

Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства, и во всё время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета², я не верил уже ни во что из того, чему меня учили.

¹ Речь идет о религиозно-философском сочинении «Исследование догматического богословия» и масштабном труде «Соединение и перевод четырех Евангелий», за который Толстой был отлучен от церкви. (Здесь и далее — прим. ред.)

² В 1844 г. Толстой поступил на отделение восточных языков философского факультета Казанского университета. Через год перевелся на юридический факультет, а весной 1847 г. оставил университет, объяснив свое прошение «расстроеным здоровьем и домашними обстоятельствами».

Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедовали передо мной большие; но доверие это было очень шатко.

Помню, что, когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, давно умерший, Володенька М.³, учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что Бога нет и что всё, чему нас учат, одни выдумки (это было в 1838 году⁴). Помню, как старшие братья⁵ заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совет. Мы все,

³ Владимир Алексеевич Милютин (1826–1855), брат военного министра Д. А. Милютина. Братья Толстые и Милютины познакомились и подружились в 1837 г., когда семья Толстых жила в Москве. Владимир Милютин еще в студенчестве проявил литературный талант, впоследствии стал профессором права в Петербургском университете. В 28 лет покончил с собой.

⁴ На самом деле это произошло в 1839 г.

⁵ Старшие братья Толстого: Николай (1823–1860), Сергей (1826–1904), Дмитрий (1827–1856).

помню, очень оживились и приняли это известие как что-то очень занимательное и весьма возможное.

Помню еще, что, когда старший мой брат Дмитрий, будучи в университете, вдруг со свойственной его натуре страстностью предался вере и стал ходить ко всем службам, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы все, и даже старшие, не переставая поднимали его

« Мне нужно знать смысл моей жизни, а то, что она есть частица бесконечного, не только не придает ей смысла, но уничтожает всякий возможный смысл »

на смех и прозвали почему-то Ноем⁶. Помню, Мусин-Пушкин⁷, бывший тогда попечителем Казанского университета, звавший нас к себе танцевать, насмешливо уговаривал отказывавшегося брата тем, что и Давид

⁶ Согласно Библии, Бог повелел праведнику Ною построить ковчег, чтобы он спасся от Всемирного потопы, спас свою семью, всех представителей животного мира и стал продолжателем человеческого рода.

⁷ Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) — сенатор, действительный тайный советник, военный и общественный деятель, почетный член Российской академии наук.

плясал пред ковчегом⁸. Я сочувствовал тогда этим шуткам старших и выводил из них заключение о том, что учить катехизис⁹ надо, ходить в церковь надо, но слишком серьезно всего этого принимать не следует. Помню еще, что я очень молодым читал Вольтера¹⁰ и насмешки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

Отпадение мое от веры произошло во мне так же, как оно происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования. Оно, как мне кажется, происходит в большинстве случаев так: люди живут так, как все живут, а живут все на ос-

⁸ Завоевав Иерусалим, царь Давид (ок. 1005–965 до н. э.) перевез туда и ковчег Господень, в котором хранились десять заповедей. Перевозили ковчег торжественно, с жертвоприношениями, восклицаниями и трубными звуками, а Давид сам скакал и плясал перед ковчегом.

⁹ Катехизис (греч. «поучение», «наставление») — книга, в которой содержатся основные положения христианского вероучения, часто в виде вопросов и ответов.

¹⁰ Вольтер (1694–1778) — французский поэт, драматург, публицист, историк. В своих острых памфлетах Вольтер протестовал, в частности, против религиозного фанатизма и выступал за просвещение.

новании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большей частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением.

По жизни человека, по делам его, как теперь, так и тогда, никак нельзя узнать, верующий он или нет. Если и есть различие между явно исповедующими православие и отрицающими его, то не в пользу первых. Как теперь, так и тогда явное признание и исповедание православия большей частью встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большей частью встречались в людях, признающих себя неверующими.

В школах учат катехизису и посылают учеников в церковь; от чиновников требуют свидетельств в бытии у причастия¹¹. Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину еще больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру.

Так что как теперь, так и прежде вероучение, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением, понемногу тает под влиянием знаний и опытов жизни, противоположных вероучению, и человек очень часто долго живет, воображая, что в нем цело то вероучение, которое сообщено было ему с детства, тогда как его давно уже нет и следа.

Мне рассказывал С.¹², умный и правдивый человек, как он перестал верить. Лет двадцати шести уже, он раз на ночлеге во время

¹¹ Причастие (принятие Тела и Крови Христовых) — одно из самых важных таинств церкви.

¹² Сергей Николаевич Толстой, один из старших братьев.

охоты, по старой, с детства принятой привычке, стал вечером на молитву. Старший брат, бывший с ним на охоте, лежал на сене и смотрел на него. Когда С. кончил и стал ложиться, брат его сказал ему: «А ты еще всё делаешь это?» И больше ничего они не сказали друг другу. И С. перестал с этого дня становиться на молитву и ходить в церковь. И вот тридцать лет не молится, не причащается и не ходит в церковь. И не потому, чтобы он знал убеждения своего брата и присоединился бы к ним, не потому, чтоб он решил что-нибудь в своей душе, а только потому, что слово это, сказанное братом, было как толчок пальцем в стену, которая готова была упасть от собственной тяжести; слово это было указанием на то, что там, где он думал, что есть вера, давно уже пустое место, и что потому слова, которые он говорит, и кресты, и поклоны, которые он кладет во время стояния на молитве, суть вполне бессмысленные действия. Сознав их бессмысленность, он не мог продолжать их.

Так было и бывает, я думаю, с огромным большинством людей. Я говорю о людях